

18+

ВИКТОР ДЕНИСОВ

ЦЕНА 5 КОП.
Заря
Восход

Готовиться к уборке

Просите
счастья

и судьбы

Виктор Денисов

Просите счастья у судьбы

«Издательские решения»

Денисов В.

Просите счастья у судьбы / В. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988605-7

Журналист, поэт, писатель, член Союза журналистов КазССР, замечательный муж, прекрасный отец, дед и прадед — это все о Викторе Петровиче Денисове. В разное время Денисов В. П. работал в газетах «Знамя Октября», «Знамя труда», «Луч», «Огни Прииртышья», «Бухтарминские вести», «Заря Востока» и на радио, пройдя путь от простого корреспондента до главного редактора газеты. В книге представлены стихи и рассказы Виктора Денисова, написанные им в разные годы его творческого пути.

ISBN 978-5-44-988605-7

© Денисов В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СТИХИ	8
Ведь это счастье!	8
Зима	9
Прости	10
Молитва	11
«Сбилась со счета кукушка...»	12
«Я родился – значит, рисковал...»	13
«Ты не суди меня строго...»	14
У обелиска	15
Частушки о газете «Заря Востока»	17
На дороге	19
Бог простит	20
Наша жизнь	21
«Ты опять о чем-то загрустила...»	22
У кого-то я счастье украла	23
«Еще рассвет робеет перед ночью...»	25
Жене	27
Журналистская лирическая	28
В День Рождения	30
«От меня запахло женскими духами...»	31
Невезуха	33
«Он в жизни постоянно торопился...»	34
Ни пуха, ни пера	35
«Променял мужик жену...»	36
Ликбез	38
Первый День Победы	42
«Я влюбился в тыщу первый раз...»	44
РАССКАЗЫ	45
У РОДНЫХ ТОПОЛЕЙ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Просите счастья у судьбы

Виктор Денисов

Андрей Пестряков *Технический редактор*

Татьяна Хряпова *Редактор*

Галина Пестрякова *Редактор*

© Виктор Денисов, 2020

ISBN 978-5-4498-8605-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журналист, поэт, писатель, член Союза журналистов КазССР, замечательный муж, прекрасный отец, дед и прадед – это все о Викторе Петровиче Денисове.

Родился Виктор Петрович 12 июня 1939 года в поселке Березовка (Малая Уба, близ города Лениногорска, теперь Риддер) Восточно-Казахстанской области. С ранних лет проявлял интерес к журналистике и уже в первом классе с увлечением читал газету «Пионерская правда», а, учась в седьмом, отправил в редакцию газеты материал на публикацию. Заметку оценили и напечатали. Это была его первая проба пера.

С 1954 по 1958-й учился в Усть-Каменогорском педагогическом институте – одном из ведущих в СССР (ныне ВКГУ им. С. Аманжолова). Получив диплом, стал работать учителем в Бурановской начальной школе (село Бураново, Большенаарымского района, ныне Катон-Карагайский). Там же встретил свою супругу Анну. Молодые поженились 10 сентября 1959 года.

Детское увлечение журналистикой не отпускало Виктора Петровича и в 1960 году он кардинально сменил профессию.

С ноября 1960 года по май 1962 года Виктор Петрович работал корреспондентом в газете «Знамя Октября». Оттуда перешел в газету «Заря Востока», где, проработав всего пару месяцев, уволился, так как ему предложили должность «редактора-организатора местного радиовещания» на радио в Узле связи.

1970 год, село Предгорное, река Иртыш (за зданием редакции газеты)

До апреля 1963 года трудился на радио, читая районные новости. Потом, когда открыли газету «Знамя труда», устроился туда и проработал там до января 1963 года.

После Виктор Петрович переехал с семьей в Глубоковский район, где до июня 1972 года был ответ-секретарем в газете «Огни Прииртышья». Оттуда, по велению Партии, перебрался в Катон-Карагайский район, где имелась вакансия в газете «Луч», в которой Виктор Петрович печатался до июня 1979 года.

А после – село Большенаарым, где до июля 1990 года кем только не был: корреспондентом, заведующим сельхозотдела, заместителем редактора, а с ноября 1985-го – главным редактором.

В июне 1991 года переехал в город Серебрянск Зырянского района (ныне район Алтай), где уже 19 августа в роли главного редактора выпустил первый номер газеты «Бухтарминские вести». В конце 1997 года печатное издание закрыли. Районным центром стал Зыряновск, куда Виктора Петровича пригласили переехать, чтобы занять должность заместителя редактора газеты «Заря Востока». С 1 января 1998 года он в новой должности приступил к работе.

Из «Зари Востока» и ушел в июле 2002-го на заслуженный отдых в должности главного редактора газеты.

Сегодня у Виктора Петровича трое детей – две дочери и один сын, – шестеро внуков и трое правнуков. Он счастливо живет со своей женой в городе Алтае (бывший Зыряновск).

СТИХИ

Ведь это счастье!

В засемьдесят юнцом не назовешь.
Историком бы зваться не хотелось.
Но прожитые дни не проведешь.
Считаю, что ко мне явилась зрелость.

И если новый день я иногда
С желанием встречаю физзарядкой.
Болит спина. Да только не всегда.
А летом загорать люблю у грядки.

И если мне охота побродить
По улицам родного городишки.
И в жизни есть кому меня любить,
Конечно, не за дорогую стрижку,

То значит стоит мне еще пожить.
Порадоваться и поогорчаться,
Оставшимися днями дорожить,
Чтобы почаще с близкими встречаться.

Чтобы на свадьбах внуков погулять,
И правнуками вволю насладиться.
Ведь это счастье, что нельзя отнять,
Но можно до безумия гордиться.

Июнь, 2010 г.

Зима

Завьюжила зима метелями.
Грозиться бушевать неделями.
А вы не верьте ей – проказнице,
Погода ведь для нас без разницы.

Мы дружим с озорными ветрами.
Снега мы мерим километрами.
Мороз – явление обычное.
К скупому солнышку привычные.

Довольны мы и этой малостью,
Как ребяшня веселой шалостью.
Соскучились по зимним прелестям,
Хотя морозом сводит челюсти.

И не сидится днями дома нам,
Ведь не весна с крылатым гомоном,
Она придет и не забудется
Во что поверить, то и сбудется.

30 ноября 2010 г.

Прости

Я долго жил и очень много видел.
Я твердо знаю, грубость не в чести.
И если чем-то я тебя обидел,
За это ты, пожалуйста, прости.
За пьянки, застилавшие сознание,
Которые смогла перенести.
Готов к любому наказанию,
Любимая, пожалуйста, прости.
Теперь до образцового супруга
Конечно, мне не дорасти.
Стараюсь быть тебе хорошим другом,
Хорошим мужем, только ты прости.

Молитва

Очень, Боже, я тебя прошу,
Дай здоровья мне и моей Ане,
Хоть, случается, грешу,
Иногда не обхожусь без брани.
И еще тебя прошу,
Пусть невзгод не знают мои дети.
Их благополучием дышу,
Как ребенок радуюсь я этим.
И о внуках тоже не забудь.
Да и правнукам здоровья и удачи.
Чтоб жилось им всем не как-нибудь,
Очень хорошо и не иначе.

«Сбилась со счета кукушка...»

Сбилась со счета кукушка,
Годы мои отмеряя.
Сколько у жизни-подружки
Их притаилось? Кто знает?

Сколько любви или счастья
Припрятано мне судьбою?
Сколько еще ненастьев
Я заслону собою?

Нет, не ответит птица
На эти мои вопросы,
Как нельзя не влюбиться
В посеребренные росы.

Много их там или мало,
Бурных, а может, спокойных,
И надо, во что бы ни стало,
Их завершить достойно.

Июнь 2007 г.

«Я родился – значит, рисковал...»

Я родился – значит, рисковал
Быть бродягой в нашем грешном мире,
Или тайно брошенным на свал,
Может быть утопленным в сортире.

Быть поверженным грозой,
Быть убитым пулей равнодушной,
Не обмытым горькою слезой,
Не отпетым батюшкой послушным.

Я живу и всем чертям на зло,
Обойденный этой жуткой страстью.
Мне, бывало, не всегда везло,
Но судьба не обделяла счастьем.

Стоит ли о прошлом тосковать?
Я живу и дней не надо слаще.
Только смело надо рисковать,
Чтобы пить шампанское почаще.

Август 2007 г.

«Ты не суди меня строго...»

Ты не суди меня очень строго,
Я не скажу, что нас ждет впереди.
Если надо, стану я Богом,
Лишь бы беду от тебя отвести.

А загрустишь – смогу лицедеем,
Чтоб заискрились улыбкой глаза.
Чем пожелаешь, тем овладею,
Только б тебя обходила гроза.

Нет, я не ангел, я не безгрешен,
Вспыльчив, как порох, —
Не надо огня.
Будто в душе просыпается леший
И в безрассудство бросает меня.

Годы, как горы, – круты и пологи,
В них затаились бывшие мечты.
Мне от судьбы не надо подмоги,
Если рядом со мной будешь ты.

2003 г.

У обелиска

Дед стоял у обелиска,
Видел в окружении тишины,
Словно сдуло с постаментов списки
Павших где-то на полях войны.

Опустели эти постаменты,
Даже обелиск над ними сник.
Лишь «крылатые клиенты»
Оставляют росписи на них.

Только в праздники Победы
Здесь вскипают радость и печаль.
Нынче торжество прошло без деда:
На больничной койке отмечал.

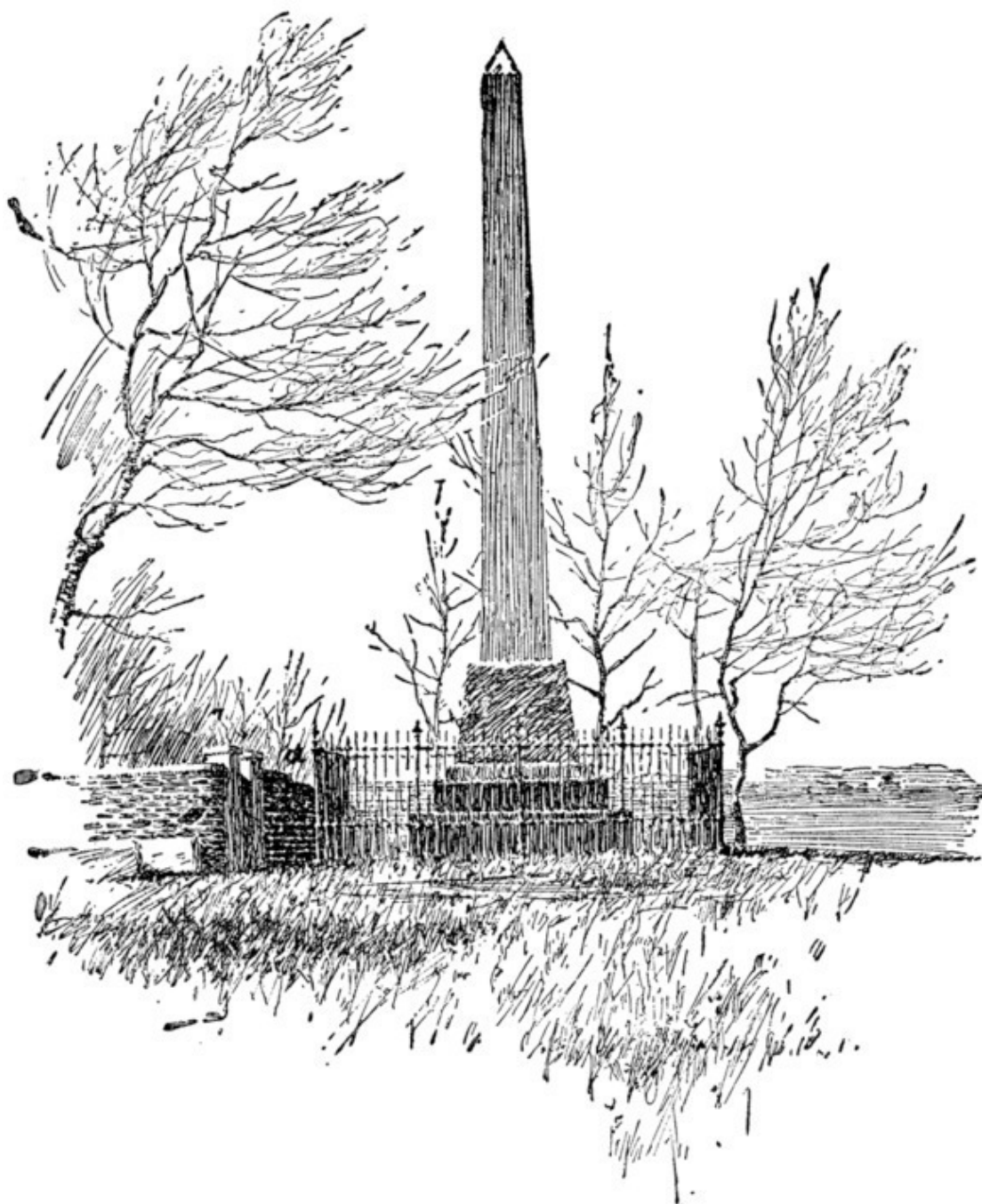
Видно, смерть еще не близко.
Не сдавать же ордена в музей.
Если он дошел до обелиска
Поклониться памяти друзей.

Сердце болью зарыдало:
Неужели зрительный обман?
Или потешались тут вандалы,
Или память спрятали в чулан?

До чего же мы дожили:
Охранять святыню не с руки,
Лучшего, видать, не заслужили
Перед властью наши земляки.

Дед вздохнул, преодолая
Возмущенья яростную страсть.
Развернулся и пошел, ругая
Про себя беспомощную власть.

Сентябрь – ноябрь 2006 г.

Словно сдуло с постаментов списки, павших где-то на полях войны...

Частушки о газете «Заря Востока»

Мил купил «Зарю Востока»
Вместо шоколада.
Мы на ней любились столько,
Сколько было надо.

Муж выписывал газеты,
А про «Зорюшку» забыл.
И весь год тогда за это
По ночам баклуши бил.

От миленка нету проку:
За неделю раз побыл.
Выписал «Зарю Востока»
И совсем меня забыл.

Я читал «Зарю Востока»,
На работу опоздал.
И наказан был жестоко:
Сразу безработным стал.

Я работаю на ЗГОКе,
В банке денежку коплю.
Полюбил «Зарю Востока»
И никак не разлюблю.

На заначку дед Митроха
(Без нее не может жить)
Выписал «Зарю Востока»
И, представьте, бросил пить!

Мой милёнок издалека
Письмецо мне написал:
«Вышли мне «Зарю Востока»,
Чтоб по дому не скучал».

Мой портрет в «Заре Востока»
Крупно напечатали.
Только все это без проку —
Так и не сосватали.

Украина, Украина,
Только посмотрите-ка
Стала зваться Украдиной

По вине политиков.

На дороге

По обочине зимней дороги
Шел старичок с костылем на подмоге.
Шел не спеша, унимая одышку.
Только, казалось, торопиться слишком.

Мимо мелькали автомобили,
Дед сторонился, чтобы не сбили.
Шел бы стороной тропинкою старый,
Но снегом забиты все тротуары.

Сзади услышал скрежет он грозный,
Бросился в снег, да было уж поздно.
Молниеносный удар прямо в спину,
Без остановки промчалась машина.

Пролежал на дороге не долго,
Ехали добрые люди на «Волге»,
Остановились: страданья на лицах.
И поспешили с ним прямо в больницу.

Это случилось в городе нашем.
Всякий лихач для прохожего страшен.
Не спасешься ни шагом, ни бегом,
Если лежат тротуары под снегом.

4 марта 2009 г.

Бог простит

Нам с детства говорили: «Бога нет.
Народ – творец, а Бог из мира сказок»,
Хоть верили в него армаду лет,
Молились до безумного экстаза.

С ним Родину ходили защищать.
И от врагов, случалось, с Ним бежали.
С Ним умирали и ложились спать.
С Ним ребятишек женщины рожали.

С ним люди смело побеждали страх.
Мужик лелеял ниву золотую.
С ним в тюрьмы шли, горели на кострах
За правду-матушку святую.

А мы прожили с верою иной.
Для нас богами были Ленин, Сталин,
Политбюро с дряхлеющей мошной.
Сейчас другие времена настали.

От веры пролетарской отrekliсь.
Теперь она гниёт в отбросах свалок.
Религиями дружно увлеклись,
Поверили в могущество гадалок.

Я тоже долго устоять не смог —
Проженный атеист по убеждению.
Проснулся б только в наших душах Бог.
Он нам простит мирские заблужденья.

Ноябрь 2010г. – август 2014г.

Наша жизнь

До двенадцати дожили.
День, считай что, пережили.
Дальше будет «Мертвый час»,
Сериалы без прикрас:
«До суда», сам «суд» в программе,
Ужин, новости, реклама,
«Окончательный вердикт»,
Фильмы, шоу впереди.
Не до самого утра,
В полночь время – спать пора.
День прожили – дружно в ложе.
На другой – все снова тоже.
Не меняем мы манеры,
Как и все пенсионеры.

1 декабря 2013 г.

«Ты опять о чем-то загрустила...»

Ты опять о чем-то загрустила,
Вижу я печаль в твоих глазах.
По щеке несмело опустилась
Бусинкой соленая слеза.

Ни к чему нам горькие печали,
Ни к чему непрошенная грусть.
С ними мы с тобой не раз встречались.
Как стихи, их помним наизусть.

Радость пусть тобой владеет чаще,
И улыбка трогает меня.
А в глазах пусть утопает счастье
От удачно прожитого дня.

Сентябрь 2007 г.

У кого-то я счастье украла

Над излучиной речки рдеет калина,
И несмело кружится над водою листва.
Здесь кукушкины слезки в мае цвели нам,
В октябре я осталась ни жена, ни вдова.

Что это случится, я знала,
Но делала все не со зла.
У кого-то я счастье украла,
У кого-то отца увела.

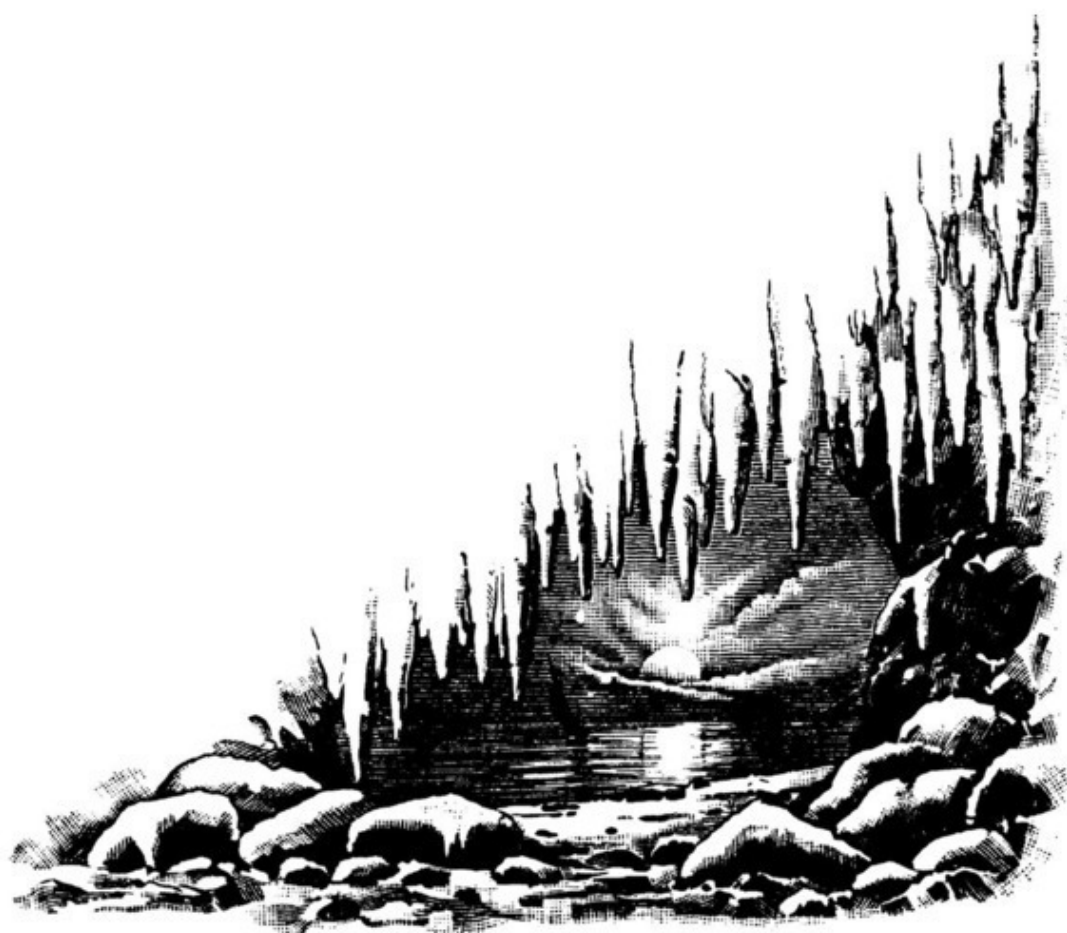
Ты являлся ко мне, как солдат на побывку.
И тебя обходила людская молва.
Ты ко мне приезжал с долгожданной улыбкой,
И кружилась от встреч у меня голова.

Мы купались в любви нашей грешной и тайной,
Забывая страдания от бездушных разлук.
Но они приходили совсем не случайно,
И тогда я лишалась твоих ласковых рук.

Ты однажды ушел в предрассветную стужу.
И следы твои осень замела навсегда.
Предо мною дождями порхают по лужам.
О тебе мою память им не смыть никогда.

Над излучиной речки рдела калина,
И несмело ложится над водою листва.
Здесь кукушкины слезки в мае цвели нам.
В октябре я осталась ни жена, ни вдова.

Сентябрь-октябрь 2007 г.

«Еще рассвет робеет перед ночью...»

Еще рассвет робеет перед ночью,
А у меня трезвонит телефон.
Открыть глаза мне не хватает мочи,
Но я встаю, сквозь вырвавшийся стон.

Снимаю трубку, слышу нежный голос.
«Да, я согласна быть твоей женой».
И у меня зашевелился волос:
«Так есть жена, мне хватит и одной».

«Это не ты? Я не туда попала?
Простите». И короткие гудки.
И спать желание пропало,
Как пропадает радость от тоски.

Мне стало жаль ночную незнакомку.
Бывает же, кому-то наша связь
Надежду, как бумажку может скомкать
И равнодушно бросить прямо в грязь.

Ко мне звонят, когда кому-то плохо,
Когда в квартире вдруг погаснет свет,
У кого-то радио заглохло,
А я держу за все грехи ответ.

Мне даже песни пьяного соседа
Милей, чем этот дикий перезвон.
Как надоедлив – я еще не ведал —
Бывает мой квартирный телефон.

Уж первый лучик света неказистый
Глядит в окно сквозь облачную вязь.
А я сижу и костерю связистов
За их безжалостную связь.

2005 г.

Жене

В жизни встретил тебя нежданно.
Ты явилась, как вешний снег.
И мечтою моей загаданной
Поселилась во мне навек.

Я бреду золотой порошею.
Серебрится листва росой.
Как трава на лугу, подкошенный
Необычной твоей красотой.

Для тебя я готов, хорошая,
Спорить с ветром, топить снега.
Хочешь – солнца коснусь ладошами,
Звезд насыплю к твоим ногам.

Может, в поле с тобой зарницею
Улетим на семи ветрах?
Я тебя назову царицею
Среди царства цветов и трав.

Журналистская лирическая

Я опять ухожу
От родного порога.
Ухожу,
Чтобы снова вернуться назад.
И с собой уношу
В неизвестную мне дорогу
Твой тревожный покой
И улыбку твою, и глаза.

А потом, как всегда,
Развернешь ты газету.
Почитаешь,
Отложишь на книжный стеллаж.
А меня в этот миг
Уж поднимут рассветы,
Чтобы в завтрашний номер
Попал путевый репортаж.

Может время с тобой
Нас разлучит надолго.
Может, в жизни
Немало дорог я сменю.
Только верность твоя
Пусть же будет
Исполненным долгом.
Я ее для тебя
До конца своих дней сохраню.

Я опять ухожу
От родного порога.
Ухожу,
Чтобы снова вернуться назад.
И с собой уношу
В неизвестную мне дорогу
Твой тревожный покой
И улыбку твою, и глаза.

1966—1986 гг.

В День Рождения

В этот ясный час,
В день рожденья,
Я стою сейчас
С вдохновеньем,

Как мы жили – не жили.
Как друг друга не жили.
Как бывало спорили —
Все ушло в историю.

Нас судьба свела
Неожиданно.
А весна цвела,
Как на выданье.

Я тебя нечаянно
Полюбил отчаянно.
И любовь сердечная
В нашей жизни вечная.

Наши годы мчат
К старости.
Нанесли внучат
Аисты.

Дни-деньки бедовые,
Месяцы медовые,
С радостями, встречами
Будут бесконечными.

Спел я без прикрас
С вдохновеньем
Песенку сейчас
В день рожденье.

Как мы жили-не жили,
Как друг друга не жили.
Как бывало, спорили,
Все ушло в историю.

1991 г.

«От меня запахло женскими духами...»

От меня запахло
Женскими духами.
Может, не духами,
Может быть, весной.
Если мне охота
Говорить стихами, —
Это значит рядом,
Рядом ты со мной.

Я лечу на крыльях
Бешеной метели.
Может, не метели,
Может быть, весны.
О тебе мне птицы
На рассвете пели.
Ты ко мне приходишь
В голубые сны.

Нам с тобой смеется
Солнце золотое.
Может быть, не солнце,
Может быть, весна.
Даже небо дышит
Голубым настоем.
Вместе наше счастье
Выпьем мы до дна.

1997 г.

Невезуха

Жизнь моя житуха,
Полосатая.
То ль благословенна,
То ль проклятая.

Счастье где-то в детстве,
Заплуталось.
Невезуха лишь одна
Осталась.

Невезуха, невезуха
Злобная.
Ты моя сестра
Одноутробная.

Ты мое извечное
Ненастье.
Может быть, поищем
Мое счастье?

И тогда с тобою
Мы расстались бы.
И в друзьях, конечно,
Не остались бы.

Жизнь моя, житуха
Неумелая
Стала для меня бы
Только белой.

Только ты на это
Не согласная.
И прошу тебя
Совсем напрасно я.

Надоели мне
Твои ужимочки.
Но придется жить
С тобой вобнимочку.

2003 г.

«Он в жизни постоянно торопился...»

Он в жизни постоянно торопился,
Стараясь время обогнать.
Ушел и с нами не простился.
Жаль, не способны мы о смерти знать.

Теперь о нем мы вспоминаем
В разговорах
и тоскливых плачах.
Он в памяти у нас.
Мы это знаем.
Без него не можем жить иначе.

Май, 2019 г.

Ни пуха, ни пера

Приходит в жизни каждого
Осенняя пора.
Когда работы больше нет,
Есть только доктора.
Ночами с грустью ждем рассвет,
И будто бы в подушках нет
Ни пуха, ни пера,
Ни пуха, ни пера.

И грусть ложится на глаза
За бурное вчера.
Невольно катится из них
Соленая слеза.
Но так уж в жизни повелось,
Что вместо вьющихся волос
Ни пуха, ни пера,
Ни пуха, ни пера.

От пенсии до пенсии
Считаем вечера.
В окно глядим с претензией
На хмурые утра.
А чтоб нас обходило зло,
Всегда во всем бы нам везло,
Себе мы пожелаем:
«Ни пуха, ни пера!»

2004 г.

«Променил мужик жену...»

Променил мужик жену
На буханку хлеба.
Пообедал и уснул,
Чтоб воздаться к небу.

Но проснулся и решил:
«Жизнь мне пригодится.
Столько стоит схоронить,
Лучше б не родиться.

Вот меня бы родила
Ельцинская мама,
То судьба бы отвела
От такого срама:

Не моя теперь жена —
Голод ведь не тетка.
Эх, была б еще одна,
Променил на водку.

Президентом бы я стал
И купался в славе.
И бесплатно разъезжал
По родной державе.

Пил бы я коньяк с утра
За чужие гроши.
И кричали б мне «Ура!»,
Хлопали б в ладоши».

Спохватился вдруг мужик:
«Это что такое?
Разве я смогу прожить
В Ельцинских покоях?

Опостылел белый свет
От такого сраму,
Если даже в туалет
И то под охраной.

Пусть все будет
Так, как есть.
Пусть я безработный.
Пусть мне нечего поесть,

Но зато свободный.
А свобода для меня
Слаще даже водки.
Лучше бабу променять

На кусок селедки.
Не нужна людская лесть.
Живу, как придется.
Будут деньги – будет честь.
И баба найдется.

1995 г.

Ликбез

1

2

3

4

Дед мой крутоватый нравом,
Бабку, говорит, любил.
Но случалось, прав не прав он,
Редко, но нещадно бил.
Очень часто вспоминают
Дни бывшего своего,
Как сошлись, совсем не зная,
Он её, она его.
Как росли потом их дети,
Про войну, про голод, зной.
Много лет на белом свете
Тропкой пройдено одной.
Были дни – судьба смеялась,
Приходило счастье в дом.
А теперь в семье остались
Он да бабка, то есть вдвоём.
Но запомнился им очень
Случай горький и смешной.
И об этом, между прочим,
Вам поведать не грешно.
Было то в тридцатых годах.
Голодно, тепла в обрез,
А на деревенском сходе
Дед услышал про ликбез.
И подумал: «Вот так штука.
Это я в расцвете лет
Должен браться за науки,
Нужен бабкин здесь совет».
Выслушала его баба,
Да и скажи ему на грех:
«Голова-то не для шапки,
Неужель ты хуже всех?
Я б и то пошла учиться,
Плечи грамота не трёт,

В жизни может пригодиться,
Ведь не знаешь наперёд.
Не к душе пришлись мысли
Цыкнул вдруг на бабку дед:
«Ты об этом и не мысли,
Ишь не мил ей белый свет!
Пусть идут учиться дети.
Ты вот, глупая, смекни:
Жили мы без книг на свете,
Проживем еще без них».
Знает бабка дедов норов,
Чуть скажи ему не так,
Он без лишних разговоров
К носу поднесет кулак.
Замолчала. И на этом
Разговору был конец.
Но однажды дед с рассвета
Из дому уехал в лес...
От натуги ломит спину,
А приехал – не присесть.
Бабки нет. Ревет скотина,
Ребятишки просят есть.
Что случилось? Где старуха?
Рассердился дед в конец.
Пояснил старшой Федюха:
Еще днем ушла в ликбез».
Не глотнув и крошки в ужин,
Уложив детишек спать,
Затянув ремень потуже,
Он пошел жену искать.
А в душе бушует злоба:
Попадись она сейчас,
Колотил, не тратя слов бы.
Бил бы со всего плеча.
Обучались в барском доме.
В окнах тусклый огонек.
Деду здесь давно знакомы
Каждый кустик и пенек.
Здесь работал он мальчонкой.
Горе плакало тайком.
Здесь он звался батрачком,
А подрос – стал батраком.
Дни и ночи пахли потом,
А батрацкий день, что год.
Хоть ты лопни от работы,
Не дождешься барских льгот.
Потому за власть Советов,
За родную нашу власть
После свадьбы в третье лето

Стал будёновцем дед Влас.
Мчались дни, как километры.
Земляка рубил земляк,
Жгли лицо лихие ветры,
Кровью красилась земля.
Ранен был легко он дважды.
Госпиталь. И снова в бой.
Но контузило однажды,
И отправили домой.
Жили трудно, только верой,
В жизнь иную без господ,
Горя отхлебнув без меры,
Выжил все-таки народ.
Шел урок, горела свечка,
Душно... Приоткрыта дверь.
Дед вошел и стал у печки,
Притаился, будто зверь.
Класс окинул злобным взглядом.
Пишут. Людям не до сна.
Впереди с соседкой рядом
Что-то пишет и жена.
На нестроганой дощечке,
Взятой из дому тайком,
Принесенным прямо с печки
Недотлевающим угольком.
«Глянь, как барыня расселась»,
Выругавшись, сплюнул дед.
И откуда бабья смелость,
Он не мог найти ответ.
Выводили слово «Ленин».
Тихо таяла свеча.
На стене качались тени,
Лишь за печкой дед скучал.
От жары спина вспотела,
Уж клонило и ко сну.
Позевнул в ладонь несмело.
Да нечаянно чихнул.
Вздрогнул класс,
Кое-кто, конечно,
Осенил себя крестом.
Провалиться б в ад кромешный
Был готов на месте том.
Замер бабкин укротитель,
Сердце не стучит в груди.
Слышит, говорит учитель:
«Кто за печкой выходи!»
Показался дед сельчанам,
А они, в ребро им бес,
«Влас Василич, ты случаем

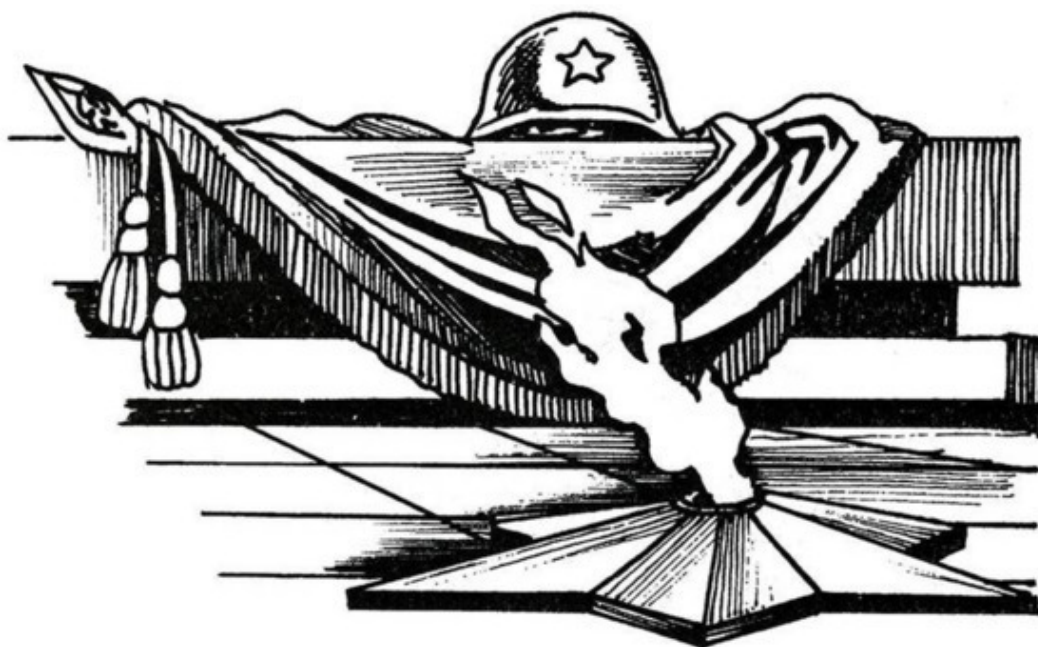
Не за бабкой ли в ликбез?»
Шуткам не было предела,
Да вмешалась вдруг жена:
«Будет скалиться без дела.
Грамота ему нужна.
Был в лесу и задержался,
А в ликбез хотел давно.
Утром даже собирался
Он со мною заодно».
Деда пригласил учитель:
«Проходите, место есть,
Раз желаете – учитесь.
Можете с женой присесть».
Взглянул мельком дед на бабку,
Растерявшийся, не смел,
Снял поношенную шапку,
Подошел и рядом сел.
Мысли разбрелись у деда,
Настоящей – ни одной.
Он теперь не знал, не ведал,
Как же поступить с женой?
Покориться? Вдруг осудят...
Долго думал и тужил.
«Пусть хоть раз по-бабьи будет». —
Неожиданно решил.
Трудно штурмовать науки,
Да еще на склоне лет.
И совсем не ради скуки
Засыпал над книгой дед.
День за днем и год за годом
Рос и богател колхоз.
Вместе с трудовым народом
Дед идейно тоже рос.
А затем рабфак. И снова
Не жалел в работе жил.
Фронт. Потом – по стройкам новым.
Так до старости дожил.
Время в памяти листая,
Вспоминает он всегда,
Как «ликбезом» жизни стали
Те далекие года.

Первый День Победы

По радио на стареньком столбе
Звучала музыка. И, позабыв о бедах,
Спешили люди, как домой к себе,
На площадь, чтоб отпраздновать Победу.
И нас, мальчишек, радостью несло
На торжество, подаренное маем.
Бурлило одряхлевшее село,
Как речка в половодье, лед ломая.
Трибуной для ораторов тогда
Служила пароконная телега.
И женщины, взобравшись без труда,
Делились горем, как случалось хлебом.
В тех горьких незатейливых речах
Еще искрилась робкая надежда:
Отобранных войною повстречать.
Но их дождаться надо было прежде.
Ведь многих диким росчерком пера
Война приговорила к вдовьей доле.
Кому-то не пришла еще пора
От похоронки надрываться болью.
Мы, дети этой проклятой войны,
Не понимая важности момента,
Победным ликованием полны
Топили голоса в аплодисментах.
Всплеснула где-то жалобно гармонь,
Несмело в такт ей женщины запели.
Гармошка – есть гармошка, только тронь,
И взвихрится душа шальной метелью.
Веселье смыло тяжкую печаль.
Частушка с плавной песней громко спорят.
Купалось счастье в солнечных лучах,
Стесняясь переплаканного горя.
В сторонку сбились кучей мужики —
Фронттовики в поношенных пилотках.
Кто без ноги, а кто-то без руки,
Считали деньги на бутылку водки.
А дядю Ваню (без обеих ног)
Уже нахально мучила одышка.
И он друзьям ничем помочь не мог,
С утра успел хватить немного лишку.
Веселье потянулось по домам,
Но мы от счастья удержу не знали.
Свободные от бабушек и мам
Окопы рыли и в войну играли.
Потом идти домой пришла пора.
И время спать для нас настало следом.

А взрослые гуляли до утра,
Все провожали первый День Победы.

Декабрь 2008 г.

«Я влюбился в тыщу первый раз...»

Я влюбился в тыщу первый раз.
И в кого, в кого скажите, люди?
Вот она сияет без прикрас
В суете обычных серых буден.
Я тону во взгляде милых глаз.
И тоскую, когда нет их рядом.
К ней бежал бы без дорог и трасс,
Лишь бы только обменяться взглядом.
Если интересно, кто она,
Ставшая мне близким человеком?
Это – моя верная жена,
С кем живу я более пол века.

1 августа 2008 г.

РАССКАЗЫ

У РОДНЫХ ТОПОЛЕЙ

(впервые опубликовано: газета «Заря Востока», 25 августа 2011 г.)

Наконец-то я у родных тополей. Такими их и представлял. Зеленой шеренгой стоят они, будто солдаты по стойке «смирно» вдоль изгороди бывшей нашей усадьбы, стройные, высокие. Это мы их с отцом посадили. Года четыре мне тогда было. Хорошо помню. Они весело шелестят листьями. Узнали меня. Радуются неожиданной встрече.

Тополя выросли, а улица прежняя. Такая же узенькая, с изгибами в местах, где желтеют глинистые овраги, постоянно обновляемые дождями. Только стали глубже и шире. По этой улице делал я свои первые шаги, пошел в школу. На ней играл со сверстниками.

Не вижу нашей саманной избушки. Вместо нее – большой кирпичный дом под ярко сияющей на солнце оцинкованной крышей. Он обнесен глухим деревянным забором, выкрашенным в цвет тополиных листьев.

Я смотрю на рядом стоящие дома, приветствую проходящих мимо меня людей (среди них не вижу знакомых) и чувствую, будто ко мне возвращается детство. Вместо огромного глазастого дома представляю свою самануху (так называла нашу избушку мама), усадьбу, обнесенную иссохшимся ивовым плетнем.

Длинной оказалась моя дорога на родину. Двадцать лет прошло с тех пор, как увезли меня отсюда. Потом жизнь так закружила, что только беспокойные журналистские дела позволили увидеть мне дорогой моему сердцу поселок и родную улицу.

Стою замороженный увиденным. И на память приходят незабываемые события последнего года жизни в этом поселке.

Они оставили трагический след в судьбе нашей семьи.

Сколько себя помню, отец с матерью всегда о чем-нибудь спорили. А я недоумевал: почему они ругаются. Делить-то нечего. Только разве нас с братом Колькой? Он старше меня. И на много. Когда я собирался учиться в школе, он заканчивал её. Было ещё небольшое хозяйство: куры, теленок. Вечером отец только с работы на порог – мать выставит на него свои круглые стеклянные глаза и постоянно одно и то же:

– Опять на пробку наступил?!

А у него, вроде бы, ни в одном глазу, как он всегда возражал.

– Или у бабы был? – продолжала она свой беспристрастный допрос.

– Да ты что, Поля?

Братеньник мой сразу уходил из дома. А меня что-то удерживало. Любопытство, наверное. Я сидел обычно на полу у своей кровати, будто занятый игрушками, и впитывал в память каждое слово родительского скандала. Ещё боялся, что папка, не выдержав материнского напора, начнёт «воспитывать» её.

Обычно всё начиналось со звонкой оплеухи. Бывало, что мать после замолкала. А случалось, что оплеуха действовала на неё как красная тряпка на быка. И начиналась настоящая битва. Тогда вмешивался я: срывался с места и вмиг оказывался между дерущимися.

– Ирод! Ребёнка пожалей! – будто я был причиной их баталий.

Даже в шестилетнем возрасте я много не понимал. Когда Колька возвращался домой, рассказывал ему, что здесь творилось. Он только усмехался, прижимал меня к себе, гладил по голове и приговаривал:

– Дурачок ты ещё, Мишка, вот подрастёшь, во всём разберёшься. Об одном прошу: не ввязывайся в потасовки. Ведь сторяча и тебе достанется.

Я часто думал, в чём мне следует разобраться? Но в то время ещё был действительно мал для распутывания хитросплетений родительских отношений. И только когда пошел в школу, случилось непоправимое событие, открывшее мне глаза на причину многих наших неурядиц.

В сентябре это случилось, в первый месяц моей учёбы. Дома не было ни Кольки, ни матери. Они почти каждый день уходили искать работу. Слава Богу, отец был при деле: шофёрил у какого-то богатея. Этим и кормились.

Я сидел за столом и читал букварь. Братеньник ещё прошлой зимой научил. Вдруг в комнату вбегает Галка, соседская девчонка – сверстница моя, в одном классе учились.

– Сидишь! А у магазина мамка твоя с тетей Дусей дерутся.

Тётя Дуся – заведующая нашей столовой. Вернее, раньше была. А теперь хозяйка. Баба здоровая: фляги с водой, как игрушки, с машины снимала. Я опешил: разве мамка с нею справится, худая да болезненная.

– Зачем дерутся?

– Откуда знаю. Там целая толпа собралась и разнимать никто не хочет. Только смеются.

Побежали к магазину. Увидев меня, люди расступились. Я по привычке кинулся между дерущимися. Но дрались-то не мать с отцом. На моё вмешательство не среагировали. Тётя Дуся рывкнула на меня матом, потом сильно толкнула в грудь. И больше ничего я не помню. Это уже потом, в больнице, рассказал мне Колька: разъяренная выходкой своей соперницы мать сгребла обломок кирпича, валявшегося под ногами, и так ударила тётю Дусю, что та упала и потеряла сознание. Кем-то вызванная «Скорая помощь» увезла в больницу и меня, и тётю Дусю. А мать забрали в милицию.

Я-то вскоре очнулся и на другой день меня отпустили домой. А вот с тетей Дусей врачам пришлось повозиться. Она больше суток не приходила в сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.